

Предисловие

Нет, нет, только не это! Имя! Мне нужно имя!

Жизнь едва теплится в ней. Вспыхивает на дне карих глаз, струится яркими искорками и угасает, как комета. Стремительно... Прощается чуть дрогнувшей улыбкой на губах, слабым взмахом кисти, коснувшейся моей груди, бессвязным шепотом.

— Скажи, кто это сделал? — шепчу я, хватаясь за отблеск покидающей ее жизни.

Сколько времени необходимо доктору, чтобы оценить состояние больного? Мне хватает секунды, чтобы понять, что она безнадежна... Ножевые ранения, нанесенные девушке, несовместимы с жизнью. Она лежит в луже крови, фонтаном пульсирующей из брюшной аорты. Два пореза. Два выверенных и точных удара. И в этой самой луже утопают мои колени. Отбрасываю на задворки сознания мысли о полиции, экспертах и допросах и сосредотачиваюсь на имени...

Вытаскиваю нож и с силой давлю на артерию. Если мне удастся остановить кровотечение из аорты, со второй раной я справлюсь гораздо быстрее. Нависаю над девушкой всем телом, прижимая кулаки к ране.

— Кто?! Скажи мне! Я хочу спасти тебя, слышишь? — задыхаясь, убеждаю девушку. Она хрипит и мотает головой, а потом цепляется напряженными пальцами в ворот моего свитера и... ослабеваает. Ее руки падают на пол, как безвольные плети, поднимая кровавые брызги, глаза закрываются, дыхание прекращается...

Вспышка, падение звезды, секунда, момент, щелчок... Вот такая смерть. Мгновение, раздробившее два мира. Миг, разделивший мою жизнь на «до» и «после».

Убираю кулаки с ее живота и медленно поднимаюсь. В кабинете никого нет. Тупо оглядываюсь, убеждаясь в очевидном. Шарю окровавленными руками в кармане халата. Отыскав телефон, набираю номер полиции.

Неотрывно смотрю на мертвое тело девушки, слушая свое дыхание и длинные гудки на том конце провода...

«Можете описать орудие преступления?» — звенит в голове вопрос дежурного следователя. Я заботливо подбираю ампутационный нож с пола. Черта с два я позволю ему бесхозно валяться в кровавой луже!

тую, выхожу из ординаторской. О происшествии надо сообщить заведующему отделением и главному врачу больницы. Липкими от крови пальцами ищу номера телефонов коллег в контактах и звоню обоим.

В пустоту и обманчивое безмолвие больничного коридора врывается странная картинка. Нет, этого никак не может быть! Крепко зажмуриваюсь и открываю глаза. В лестничном проеме стоит Люба... Недоумение и ужас застывают на ее лице, девчонка обессиленно приваливается к дверям, и я боюсь, что от потрясения она грохнется в обморок.

— Любочка, Люба... Я уже вызвал полицию, не бойся. Любаша... Я так рад, что ты пришла поговорить.

— Что случилось, Мир? Ты кого-то убил? — ее тихий голос походит на шелест. В глазах сквозит недоверие, плечи опускаются от невидимой тяжести.

— Нет! Я пытался ее спасти... Честное слово. Но она... она... была обречена. Я слишком поздно нашел ее.

Люба выпрямляется и как-то странно смотрит. Переводит взгляд от закрытой двери ординаторской на меня.

— Мир, из кабинета никто не появлялся. Никто, кроме тебя, — металлическим голосом проносит она. — А я... видела, как высокая брюнетка заходила в него.

— Я тебе не верю!

ГЛАВА 1

Я не терплю чужих прикосновений
И проникающих под кожу пошлых фраз,
Словечек липких, лживых заверений
И взглядов томных нелюбимых глаз...

Я не терплю чужих прикосновений...
Тепла частицу жаждущих украсть.
Но не желаю прогонять видение,
В котором только ты — один лишь раз...

Люба

Тишину нарушает лишь мое учащенное дыхание. Ни шелеста листьев, ни шороха шин по асфальту... Ночь застывает в молчании, преклонившись перед первым ноябрьским морозом. Лишь непослушный проказник-ветер музыкально стонет сквозь оконные щели.

В сгустившихся сумерках комнаты проступают очертания мужского силуэта — он совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Сердце бьется так оглушительно, что я не только чувствую его — я его слышу. Вероятно, Макс тоже...

— Люба... — стонет он хрипло. Пространство вокруг меня наполняется ароматом мужского парфюма. Горячее дыхание Макса обжигает висок, а властные ладони с силой сжимают мои ягодицы. — Как же я хочу тебя, — голос парня дрожит натянутой тетивой.

Макс подхватывает меня, как хищник добычу, и тащит к дивану, стоящему в углу комнаты. Немного неумело стягивает мое трикотажное платье, отбрасывает в сторону лифчик. Отблески уличных фонарей отражаются в возбужденных мужских глазах. Он смотрит... так страстно и нежно, что я таю, отдаюсь во власть его желания.

Я хочу этого... Убеждаю себя, что хочу его так же сильно, как он меня... Это ведь так естественно — хотеть своего парня, правда? Мысленно молю мироздание, святых апостолов и Макса исцелить меня от проклятия...

Диван негромко скрипит под тяжестью наших тел. Макс ловит мои губы, выпивает дыхание, скользит языком внутри рта. Втягиваю его нижнюю губу, зарываюсь в густые волосы на затылке парня и... снова ничего не чувствую.

— Боже, Люба... — пыхтит он мне в шею, стягивая трусики и накрывая ладонью лоно.

Макс мнет мои бедра, затем быстро возвращается к животу, груди... Сжимает соски и снова кладет ладони на бедра.

Движения его нетерпеливых рук порывистые, хаотичные... У меня перед глазами вместо пеле-

ны страсти предстают кадры из «В мире животных», и, как наяву, слышится вкрадчивый голос Николая Дроздова:

«А это, дорогие телезрители, лев Максим. Он поймал косулю Любашу и не может выбрать, с чего же начать пиршество — с бедрашка или грудки».

Пытаюсь изгнать дурацкие сравнения и вернуться мыслями к Максусу, но... издаю лишь тихий смешок. Максим языком ласкает мою шею, оставляя на коже влажные дорожки. Разноцветные картинки с грозным львом рассеиваются, сменяясь кадрами с парнокопытным на водопое в главной роли. Черт!

Лев Максим смотрелся куда лучше лося Максима или, не дай боже, осла...

Очевидно, парень принимает усмешку за всхлип и продолжает сосредоточенно вылизывать мою шею.

Комната плывет перед глазами, сжимаясь до размеров тесной клетки. Я задыхаюсь, словно из нее выкачали весь воздух. Не хочу, не хочу, не хочу! Отталкиваю нависающую надо мной грудь Макса и часто, порывисто дышу:

— Довольно... Я не хочу. Не хочу...

— Люба, что случилось? — испуганно сипит он. Голос Максима низкий, волнующий, сексуальный до чертиков. Но... не для меня. — Любаша, я что-то не так сделал, обидел тебя?

— Прости, Макс. — Забываюсь в угол дивана, пытаюсь отдышаться.

— С тобой все в порядке?

— Нет, Макс, со мной не все в порядке... Дело не в тебе. Это все я... просто...

— Успокойся. Не собираюсь я тебя насилловать, — произносит он.

Макс шарит во тьме в поисках одежды. Часто дыша, парень натягивает джинсы, лязгает пряжкой ремня, надевает джемпер...

— Проводишь?

Признаю, я чудовище... или, быть может, чудом спасенная от растерзания «косуля Любаша»? Включаю ночник над изголовьем дивана, оборачиваюсь простыней и медленно сползаю на пол.

Усилим воли заставляю себя посмотреть в глаза парня — голубые, искренние, добрые и влюбленные в меня...

— Прости, — повторяю чуть слышно. — Ты замечательный, чуткий...

— Но не для тебя! Люба, избавь меня от этого, — кривится Макс.

Мне нечего сказать. Я покрываюсь мурашками и зябко ежусь под ледяным взглядом парня. Между нами воцаряется тяжелое, вязкое, как болото, молчание.

— Мне увольняться, Любовь Петровна? — Макс прерывает повисшую неловкость неожиданным вопросом.

— С ума сошел? Конечно нет! Я не справлюсь без тебя, Макс. Послушай, если ты из-за этого хочешь уволиться... — я почти всхлипываю.

— Любаня, я думаю о твоём комфорте, — руки Максима мягко опускаются мне на плечи. — Если ты не будешь париться по поводу нашего расставания, я останусь.

— Не буду, — улыбаюсь я. — Совершенно точно не буду.

«Мне увольняться, Любовь Петровна?» — звучат в голове обиженные слова парня. Любаня, Люба, Любовь Петровна... Кто я? Выключаю горячий обжигающий душ и стираю ладонью испарину с зеркала.

Кто же ты — рыжеволосая молодая женщина со вздернутым носом и карими, как янтарь, глазами? Симпатичная, успешная и материально обеспеченная начальница или травмированная, пустая, бездушная «косуля»?

Вы когда-нибудь задумывались, что скрывается за дверями чужого дома или за дежурной натянутой улыбкой? За фасадом из хорошей работы и смазливой внешности? Смотрю на затравленное отражение в зеркале, и мне себя жалко. Жалко растерянную, одинокую девчонку, любопытно смотрящую на меня оттуда. Дежурно намазываю на лицо дорожный крем и даю наконец волю слезам...

* * *

Солнечные лучики любопытно осматривают мое жилище, мягко скользя по стенам комнаты. Жмурюсь от непривычно яркого утреннего света и резко вскакиваю, хватая с тумбочки телефон. Вдыхаю с облегчением, когда через минуту звенит будильник. 7:30 утра. Я распахиваю шторы и приоткрываю форточку. Оценив состояние дорожек придирчивым взглядом, я умываюсь и надеваю тренировочный костюм.

— Ну что, Любаша, успокоилась? Наревелась вчера, бедолага? — касаюсь припухших от слез век, заплетаю длинные волосы в косу. — А за что тебя, дурочка, жалеть?

Правильно, не за что.

Старенькая дверь подъезда протяжно скрипит, выпуская меня на улицу. Морозный воздух обжигает щеки. Под толстыми подошвами зимних кроссовок хрустит иней, легкий ветерок играет с выбившимися из косы прядями. Я снимаю квартиру у Глафиры Тимофеевны — тети моей близкой подруги Алиски Рябиной. Высокие окна моего жилища в сталинской пятиэтажке выходят на Западную набережную озера. В наушниках поет Imagine Dragons «Believer», прохладный воздух остужает нервы после вчерашнего неприятного происшествия, и я, сворачивая с набережной на аллею городского парка, чувствую себя почти счастливой...

Пробежка вытряхивает из головы все глупости. Я как выбитый на морозе ковер. Надо же, ну и сравнение! Пора завязывать с аллегориями, последнее время они приходят на ум в самые неуместные моменты.

Помедлив возле дверей, я все-таки решаюсь позвонить Александре Георгиевне. Благодаря ей ко мне прилепился позолоченный налет новой Любы – стройной, уверенной в себе деловой женщины. Я закончила психотерапию еще в прошлом году, и Савской звоню исключительно за дружеским советом.

– Любочка, доброе утро! – щебечет она в динамик. – Ну как ты, детка? – добавляет мой персональный мозгоправ, быстро сообразив, что звоню я не для того, чтобы пожелать ей доброго утра.

– Я хочу приехать в гости, – тяжело дыша после пробежки, говорю я.

– Неужели срыв, Люба? Комппульсивное переживание?

– Нет, Александра Георгиевна. Я по-прежнему не могу... ни с кем... у меня...

– Любовь Петровна, тебе подходит сегодня в восемь? – немного деловито произносит она. В трубке шелестят странички ежедневника.

– Конечно. До вечера.

Я принимаю душ, выпрямляю волосы утюжком и поднимаю их в высокий хвост. Надеваю белье, черные чулки, прямую темно-серую юбку

до колен и кремовую блузку с пышными рукавами и жемчужными пуговицами. Любуюсь отражением стройной дамы в зеркале. Два года назад я была совсем другой...

«Пончик, Пампушка, Булочка...» — отголоски прошлого звенят в голове, когда я вспоминаю прозвища, летящие из уст моего обидчика. Того, кто наградил меня антителами к другим мужчинам.

Заливаю овсяные хлопья кипятком и, пока каша готовится, надеваю замшевые сапоги на шпильке. Цокаю на каблуках по квартире, как та самая косуля, в поисках ключей от машины и шелкового шарфика. Завтракаю стоя, с ужасом следя за стремительно бегущими стрелками часов.

Снимаю патчи с век, припудриваюсь и крашу губы матовой ярко-красной помадой.

Брызгаю шею французскими духами и убегаю по ступенькам лестничного марша на улицу, под срывающуюся осеннюю морось.